

Объективная радиация

В отделе науки «РР» лежит предмет, излучающий 950 микрорентген в час. Утилизировать его невозможно. Ни одно государственное ведомство не готово обеспечить нашу радиационную безопасность.

Федор

Савинцев и радиоактивный объектив

Представьте себе, что в вашей квартире пожар. Трясущимися руками вы набираете «01» и выкрикиваете в трубку адрес. А в ответ слышите: «Ну, вам сначала нужно заявление написать, потом экспертизу пламени проведут, затем смету на тушение составят...»

Всякому нормальному человеку хочется знать, что в экстремальной ситуации его спасут. Фотографу Федору Савинцеву, выполнявшему задание нашей редакции, тоже. Когда при пересечении им российско-украинской границы в аэропорту Внуково прибор радиационного контроля оглушительно зазвенел, Федору очень захотелось, чтобы его кто-нибудь спас: радиация все-таки, Чернобыль и все такое.

Что пограничники спасать его не будут, фотограф понял сразу: вещи быстренько осмотрели, дозиметр невнятно пискнул вблизи фотокамеры, тогда ребята просто зажали зуммер и выпроводили радиоактивного Федора из зоны контроля.

Вернувшись домой, Федор решил самостоятельно разобраться с собственной радиацией. Оказалось, что возмущение прибора вызвал объектив Pentax (серийный номер 8-53-54-34, год производства — 1989-й). Объектив был куплен Федором с рук ровно год назад и большую часть этого времени провел у него на груди. Бытовой дозиметр на поверхности оптического стекла бодро показывал что-то около 9,50 микрозиверта. Это соответствовало излучению в 950 мкР/час. Для простого смертного норма радиологической безопасности — 0,5 рентгена в год. То есть Федор получил больше 16 норм.

О том, что весь мир борется за радиологическую безопасность, Федор что-то слышал. Выбросить объектив в мусорное ведро было бы поступком, недостойным гражданина. Продать — и вовсе непорочно. Разум и совесть требовали вручить объектив спасателям, которые благодарно похлопают его по плечу и с суровой заботливостью нальют стакан молока для очистки организма. Наивный!

Через две недели гражданин Федор принес объектив в отдел науки журнала «Русский репортер» и, непечатно ругаясь, попросил нас помочь ему в исполнении гражданского долга. Так на столе в редакции оказался радиоактивный объект. При нормальном городском фоне в 20 мкР/час перед нами лежала маленькая Хиросима.

Куда, по идее, должен обращаться гражданин в экстремальной ситуации? Правильно, в МЧС.

— Да, неприятно. Как бы вам помочь? Вы же понимаете, мы этим не занимаемся, — сочувственно сказал мне Павел Александрович, оперативный дежурный МЧС по Северному округу столицы. — Вы этот объектив в РЭУ отнесите, они же принимают ртутные лампы. Или выбросите потихоньку куда-нибудь. Чего вам мучиться? Или

вот вы говорили, объектив старый, тогда можно в музей отнести.

Судя по голосу, Павел Александрович был человеком пожилым и славным. Дай ему бог здоровья! И главное — поменьше ходить по музеям с радиоактивными экспонатами.

Хорошо, допустим, МЧС этим не занимается. Звоню дальше. Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору — Ростехнадзор — на своем сайте уверяет, что «осуществляет контроль и надзор за физической защитой радиационных источников и радиоактивных веществ».

Начала с московского отделения. Телефон общественной приемной безнадежно молчал. Поднялась на ступень выше.

— Даже не знаю, кто вам может помочь, — сказал вежливый дяденька-дежурный в федеральном офисе Ростехнадзора. — Вот позвоните по этому номеру, там специалисты сидят.

Позвонила. Трубку взял веселый старичок:

— Мне уже много раз по этому поводу звонили, — утешил он нас. — Только это частная квартира, а о радиации я знаю только то, что она есть.

Следующим по списку шел Роспотребнадзор. Может, он спасет мир от нашей «грязной бомбы»? Благо в структуре этой службы есть отдел организации надзора по радиационной гигиене.

С федеральных высот Роспотребнадзора меня послали в региональные отделения, потом опустили до территориальных управлений, потом опять турнули наверх, потому что я оказалась у экспертов по чему-то там.

Многokrатно пересказывая «Повесть об объективе», я овладела искусством придавать голосу особую проникновенность, которая свойственна банковским автоответчикам. Ответные интонации отличались разнообразием, но суть оставалась той же: это не к нам.

Впрочем, Михаил Викторович Истомин из отдела радиационной безопасности подразделения Роспотребнадзора по Северному округу стоил потраченного времени.

— Понимаете, — поведал он мне, — радиоактивность не ощущается ни одним органом чувств.

В ответ захотелось крикнуть с девической горячностью: это неправда! Когда у вас на столе лежит маленькая Хиросима, вы ее видите, слышите и осязаете. На третий день звонков мне уже казалось, что она пахнет — горелой резиной и тухлым сыром.

— Нам нужны замеры, — вздохнул Михаил Викторович. — Что мы будем просто так ездить? Мы приедем, а у вас там нет ничего.

— Михаил Викторович, — лепетала я, боясь, что рыба вот-вот сорвется с крючка, — я же понимаю, что звоню не в службу знакомств. Но 950 микрорентген в час при фоне в 20 — это много.

— Ну, знаете, нормы бывают разные, — уклончиво заметил Истомин.

— Тогда, может быть, вы приедете и проведете замеры.

— Мы замеры не проводим, — снова вздохнул мой собеседник. — Вам надо обратиться в аккредитованную организацию. Они сделают замеры и выдадут документ. Потом с этим документом вы обратитесь к нам. Если действительно есть радиация, мы позвоним в НПО «Радон» и отдадим распоряжение вас обезвредить.

— А когда же они нас обезвредят?

— Ну, — Истомин явно избегал конкретных цифр, — обычно это бывает довольно быстро.

Последовательность работы государственной спасательной машины начала вырисовываться. Для того чтобы нас «обезвредили», нужно было задействовать три инстанции. Одна (аккредитованная лаборатория) проводила замеры и выдавала соответствующий документ, вторая (НПО «Радон») собственно обезвреживала, а третья (Роспотребнадзор) звонила. Что-то здесь явно было лишним.

Кстати, господин Истомин посоветовал позвонить некоему Константину Викторовичу. Последний, судя по звуку

в трубке, был большой начальник — к густоте и усталости в его голосе добавлялась еще и особая нервность человека, радеющего за дело. Где-то на середине моей повести раздалось тихое:

— Четыре...

— Простите, что вы сказали?

— Четыре...

— Четыре чего?!

Трубка издала стон.

— Я диктую номер телефона, — на последнем пределе мужественного терпения шепотом внушал мне Константин Викторович. — Это номер районного отделения Роспотребнадзора. Вам нужно убедить их исполнить свои профессиональные обязанности.

Я оторопела и тоже перешла на шепот.

— А в чем состоят их профессиональные обязанности?

— Вы должны убедить их в том...

Здесь шепот Константина Викторовича перешел в придушенный хрип. Вот-вот должна была грянуть буря. И она грянула.

— ...ЧТОБЫ ОНИ ИСПОЛНИЛИ СВОЙ ДОЛГ СОТРУДНИКОВ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ГОРОДА МОСКВЫ!!! — придушенный хрип перешел в визг, сопровождавшийся ритмичным «бух-бух». Видимо, Константин Викторович колотил кулаком по столу.

Позвонив по заветному телефону, я познакомилась с Сергеем Александровичем. По голосу было понятно, что он человек маленький. Когда «Повесть об объективе» подошла к концу, в трубке раздался характерный звук, с каким люди чешут затылок.

— Так, — сказал он уныло. — Ну а теперь вам нужно позвонить...

— Я больше никуда не буду звонить! — заорала я не своим голосом. — У меня на полке лежит 950 микрорентген. Если вы немедленно не займетесь этим вопросом, я просто положу эти рентгены вам на стол!

Дальше все было более или менее понятно. Заявление во ФГУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в г. Москве» (аккредитованная лаборатория), рассмотрение, подписание, переадресация и все такое. За сим должен был последовать выезд «на объект». Похоже, я как никогда была близка к цели.

Врача-радиолога, к которому попало мое заявление, звали Леонид Исаакович. Он долго рассуждал о возможном происхождении «объективных» изотопов, о легендах, связанных с радиацией, о загадочности мироустройства. В промежутках между нашими душевными беседами Леонид Исаакович посчитал, во сколько мне обойдется борьба за радиационную безопасность. Оказалось, недорого — всего пять тысяч.

Впрочем, можно было решить проблему дешевле. Сотрудники радиационной лаборатории Московского инженерно-физического института (МИФИ), услышав нашу историю, мгновенно согласились сделать замеры бесплатно и выдать соответствующий документ. Ни заявлений, ни писем не требовалось. Согласно результатам анализа, стеклянные части нашего объектива содержали 44 500 беккерелей, то есть такое количество радиоактивных изотопов, которое производило 44 500 распадов в секунду. Распадались в объективе изотопы тория. Согласно санитарным нормам, в самых опасных для бытового использования веществах могло содержаться не более 1000 беккерелей этого металла.

Впрочем, Никита Юрьевич из МИФИ был совершенно спокоен.

— Вот не так давно к нам обратился один товарищ с Рублевского шоссе, — рассказывал он, — на участке он разбил газон за 50 тысяч долларов, а когда стал дом оформлять, пришла СЭС и провела замеры — газон показал какой-то сумасшедший фон. Ну, он к нам обратился. Мы взяли пробы грунта, проверили. Оказалось, что в этом газоне весь букет элементов из чернобыльского реактора. Мужик за 50 тысяч долларов насыпали чернобыльской земли на участок. Товарищ позвонил в НПО «Радон». Те составили калькуляцию. Уничтожить газон стоило примерно столько же, сколько сделать. Ну, товарищ решил заплатить, довести дело до конца. К

нему приехали люди из «Радона», загрузили газон на грузовик и увезли. А через день этот мужик нашел свой газон сброшенным в кювет на соседнем поле.

— Но ведь если существуют нормы радиационной безопасности, значит, они должны соблюдаться и контролироваться? — наивно вопрошала я.

Никита Юрьевич смотрел на меня, как на ребенка.

— Ну, нормы, конечно, существуют, — философски заметил он, — но ведь все же понимают, что никто не умрет. А если и умрет, то не сразу.

Автор: Ольга Андреева © Русский репортер ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 3176 28.08.2009, 10:33 📌 137

URL: <https://babr24.com/?ADE=80541> Bytes: 10221 / 10094 [Версия для печати](#)

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Ольга Андреева.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)